

ИВАН
КУЩЕВСКИЙ

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВ,
ИЛИ
БЛАГОПОЛУЧНЫЙ
РОССИЯНИН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К96

Куцевский, И.А.

К96 Николай Негорев, или благополучный россиянин. Часть вторая / И.А. Куцевский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 106 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00175-7

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Ивана Афанасьевича Куцевского «Николай Негорев, или благополучный россиянин. Часть вторая».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00175-7

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПЕРЕМЕНЫ	5
II. НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ	21
III. Я ПРИОБРЕТАЮ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ ...	36
IV. ЖУРНАЛЫ «ОПЫТ» И «НАБЛЮДЕНИЕ» ПОЛЕМИЗИРУЮТ	52
V. Я ДЕБЮТИРУЮ КАК ОЧЕНЬ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК	83

I. ПЕРЕМНЫ

Мы возвратились к нашим занятиям. Опять начались классы; опять мы утром слушали замысловатые анекдоты Якова Степаныча и ругательства пьяного Ивана Капитоныча; опять получали кокосы от Федора Митрича. Опять после обеда мы начали скучать, шатаясь из угла в угол, после того как воспоминания и рассказы о разных происшествиях, случившихся на вакации, всем изрядно надоели. Потекло наше время своей обычной чередой, очень мало разнообразясь приготовлениями к годовичному торжественному акту. Несчастному Малинину предназначено было прочесть на этом акте басню Крылова «На барский двор свинья когда-то затесалась», и Адам Ильич решительно не давал ему покоя.

— Нужно рассказывать, а не читать! — кричал Адам Ильич, дергая его за пуговицы. — Это самое лучшее место: «Пришла домой свинья-а-а свиньео-о-ой», как будто видишь перед собой свинью, всю в грязи. В это время нужно развести руками. «Свинь-а-а свиньо-о-о-ей».

— Свинья-а свинье-е-ей — тянул, чуть не плача, Малинин.

— Не так, не так! — кричал Адам Ильич, и муштрование начиналось снова.

Вообще Малинин имел много причин проклинать годовичный торжественный акт. Яков Степаныч, узнав как-то про его красивый почерк, явился однажды в пансион с фунтом стеа-

---

риновых свечей и объемистой диссертацией под названием «Анализ и синтез», которая начиналась словами: «Littera docet, littera nocet»¹ и вмещала в себе несметные тысячи латинских и греческих цитат. Эти цитаты Малинин, само собой разумеется, беспрестанно перевирал, и ему приходилось переписывать каждый лист по нескольку раз, укрепляясь в убеждении, что *littera nocet*.

Хлопоты перед публичным актом еще более увеличились, когда узнали, что на акте будет новый губернатор, приехавший недавно на смену старого. Адам Ильич навязывал всем встречным и поперечным учить какую-то французскую оду Ж.-Ж. Руссо, но все, вероятно, принимая во внимание горькую судьбу Малинина, отмахивались от оды руками и ногами. Чтение ее так и пришлось исключить из программы годовичного торжества. Впрочем, от этого не было большой потери, так как разных речей и чтений была приготовлена целая куча.

Как все торжества, акт открылся музыкой, которая, впрочем, довольно нескладно проиграла туш при приезде губернатора. Новый губернатор представлял большой контраст со старым губернатором. Старый был высок ростом, ходил прямо, точно движущийся верстовой столб. Новый был мал ростом, поджар и ходил, наклонившись всем туловищем вперед, будто готовясь нырнуть в воду. Старый был сановит, строг и недоступен. Новый был очень вежлив и всем улыбался, помахивая на ходу левой рукой, точно говорил: «Уж я знаю, что все хорошо». Старый ходил тихими, ровными шагами, или, лучше сказать, «тихими, но верными стопами». Новый бегал как-то вприпрыжку и вообще был необыкновенно юрок, так что на первый взгляд он значительно уступал своему предше-

---

¹ *Littera docet, littera nocet* (лат.) — книга учит, книга мучит.

ственнику во всех отношениях, не говоря уже о том, что был по крайней мере на двадцать лет моложе его.

Когда все члены педагогического совета — все учителя, на этот раз побритые, причесанные и, сверх обыкновения, совершенно трезвые, — уселись, под председательством губернатора, за тот же красный стол, перед которым мы держали экзамен, директор взошел на кафедру, поставленную лицом к столу и спиной к нам, и начал читать годичный отчет о результате экзаменов. Столько-то и такие-то переводились в класс; столько-то и такие-то были оставлены за слабостию успехов еще на год в том же классе. Окончили курс столько-то, в том числе Рогов (он же Сенечка) и Чебоксаров, с правом на чин четырнадцатого класса, как означено в такой-то статье. Директор поклонился и сошел с кафедры, на которую тотчас же влез Яков Степаныч со своим «Анализом и синтезом». Он долго кривлялся и махал руками, выкрикивая что-то, как кажется, ни для кого не понятное. Мы стояли во фронте и, несмотря на строгий запрет, кашляли и сморкались в строю, выражая этим свою крайнюю скуку и неудовольствие. К большой радости всех присутствующих, Яков Степаныч наконец в последний раз махнул в воздухе своим «Анализом и синтезом» и сошел с кафедры, перед которою робко вышел несчастный Малинин. Он ужасно смутился, покраснел и в страшном припадке кашля, как сорока, пролепетал свою басню. После этого Иван Капитоныч начал читать свое сочинение о свойствах русского глагола. Не успел он доехать до половины этого почтенного труда, как губернатор начал суетливо ежиться и торопиться, точно он забыл дома платок. Иван Капитоныч, поймав выразительный взгляд директора, пробросил несколько лучших страниц и прочитал только конец, заявляющий, что русский глагол труднее всех других глаголов поддается изуче-

нию иностранца. От неподвижной вытяжки во фронте у нас отекали ноги, и мы с удовольствием увидели, что губернатор, взяв у директора какой-то листок, начал вызывать учеников, удостоившихся похвальных листов и других наград. Мне пожаловали латинский словарь Кронеберга, а Оверин получил похвальный лист, который его, кажется, очень смутил. Он покраснел, торопливо согнул его вдвое, вчетверо, в восьмую долю, скомкал и заткнул за обшлаг вместе с платком.

Когда кончился акт, наш обед был уже готов, и мы в стройном порядке, церемониальным маршем, в сопровождении всего синклита, отправились к столу. Губернатор, улыбаясь, попробовал суп и махнул левой рукой, точно говоря: «Я знал, что суп хорош».

— А у вас детям не дают молока? — спросил он.

— Никак нет-с, ваше превосходительство, — подскочил директор.

— Кстати, я хотел сказать: отчего бы служители не могли подавать блюда, как это обыкновенно делается?

Этим замечания губернатора окончились, и он уехал из гимназии. Нам действительно начали подавать кушанье служители, и мы уже не передавали друг через друга тарелки с супом или кашей; по праздникам начали давать молоко, но — и только...

Между тем от нового губернатора все ждали чего-то ужасного. В первые же дни своего приезда он уволил множество чиновников...

— А? что? — сказал мне в последнее воскресенье старик Шрам, как будто не узнавая меня. — Вот у вас в гимназии будет губернатор: он там проберет ваших.

Но все куда оказалось благополучным, вопреки пословице о новой метле...

Опять потекли дни за днями своим обычным чередом. Небритые учителя, с водочным запахом, с ругательствами и криками так же нагоняли на нас страх по утрам; опять мы скучали после обеда; опять жужжали вечером, как шмели, приготовляя уроки к завтрашнему дню. Перебранки друг с другом, систематические выговоры Адама Ильича, обыденные толки о том, что и сегодня высекли такого-то, а вчера такого-то — все это пошло своим чередом. Правда, в первых числах случилось необычайное обстоятельство: директор не пошел с отметками, и, таким образом, единицы и двойки остались без привычного возмездия; но об этом потолковали с неделю и забыли. После этого события пронесся смутный слух о том, что Иван Капитоныч попал пьяный в часть и был представлен полицией, с разбитой рожей, в контору дирекции, но и об этом обстоятельстве также скоро забыли. В пансионе было скучно, как и прежде. Разница была только та, что с выходом Чебоксарова и Сенечки число старших как будто значительно уменьшилось и они сделались не так грозны и неприступны. Дерзкая мысль, что старшие — такие же смертные, как и мы, укреплялась в нас все более и более. Да и сами старшие, потеряв своих лучших представителей, как будто уже не так свято верили в непреложность своей деспотической власти над младшими и с меньшей самоуверенностью раздавали нам подзатыльники и пощечины.

Человек, говорят, ко всему привыкает. Не знаю, привык ли я к патриархальному управлению строгих старших, но с увеличением свободы, я, против всяких разумных оснований, как будто сожалел об отсутствии Сенечки и Чебоксарова. Покуда я не свыкся с новыми порядками, мне как будто чего-то не доставало.

Наша дерзкая мысль о том, что старшие — не больше как люди, еще более укрепилась, когда Сенечка и Чебоксаров посе-

тили пансион. Они, кажется, хотели незаметно прошмыгнуть в старшую спальню, но их заметили и узнали. Узнали в двух оборванных, грязных пьянчужках, во всех отношениях достойных презрительного сожаления, двух когда-то грозных старших. Они говорили нам глупости, просили денег взаймы — и над ними потешались все желающие. *Sic transit gloria mundi!*¹

Словом, мы незаметно дожили до чрезвычайного происшествия. Однажды, когда только что окончилась первая лекция и ученики со всех классов посыпали в пустую залу, где стоял еще стол, покрытый запыленным красным сукном, и кафедра, туда вошел тихими, задумчивыми шагами директор.

— Дети, — сказал он, — я должен проститься с вами: я уезжаю.

Он остановился, чтоб перевести дух, а может быть, и в ожидании шумных выражений нашего сожаления. Но мы молчали и ждали, что будет дальше.

— У вас будет новый директор, — сказал он, махнув синим картузом с кокардой. — А до тех пор, пока он приедет, мою должность будет исправлять Семен Васильевич.

После этого директор повернул от нас свое брюхо (он повертывался залпом, как флюгер) и исчез в дверях.

По поводу отставки директора начались оживленные толки, причем высказывались различные, более или менее вероятные причины его увольнения. Сколков думал, что директор проиграл и пропил казенные деньги, а Оверин как-то сказал мне, что директору давно следовало уволиться, так как жирный человек не может хорошо выполнять никакой должности, будучи исключительно занят разными мыслями о пьянстве и обжорстве. Новый директор, назначенный из учителей

---

¹ *Sic transit gloria mundi!* (*лат.*) — Так проходит слава земная!